

На правах рукописи

Носкова Наталья Геннадьевна

**ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ КОРЕЙЦЕВ:
ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI вв.)**

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре востоковедения.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Шерстова Людмила Ивановна

Официальные оппоненты:

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», кафедра востоковедения, заведующий кафедрой

Ворожищева Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кафедра организации и технологии высшего профессионального образования, доцент

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный педагогический университет»

Защита состоится 07 апреля 2017 года в 15 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.18, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу 634050, г. Томск, проспект Ленина, 36 (учебный корпус №3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/NoskovaNG07042017.html>

Автореферат разослан «__» февраля 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Грибовский
Михаил Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В современном мире вопросы, связанные с этническим самосознанием, приобретают особую актуальность. Наряду с процессами глобализации, которые ведут к унификации этнических культур, усиливается и противоположная тенденция: стремление этноса к сохранению, поддержанию и подчеркиванию своей этнической культуры. Таким образом, этническое самосознание приобретает новые формы в условиях современного мира.

На Корейском полуострове решение вопроса поддержания этнического самосознания и сохранения этнической культуры осложнено разделением корейского этноса. С середины XX в. Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике приходится «делить» некогда единую корейскую историю и культуру, в том числе и общее историко-мифологическое наследие.

Не раз в мировой истории политический фактор играл главную роль в решении вопроса разделения и объединения государств и народов, а значит и в формировании соответствующего сознания. Но и в случае объединения на политическом уровне, остается вопрос создания / воссоздания общей культурной основы. В таких условиях естественным является обращение к традиционным представлениям, а изучение их трансформации в условиях современного мира становится особенно важным.

Представления об общем происхождении, которые играли ключевую роль на этапе становления этноса, продолжают сохранять свою значимость и в сознании современных людей, оставаясь одним из факторов в определении этнического единства и являясь одним из компонентов этнического самосознания. В настоящее время они могут не восприниматься как реальные, однако плотно закрепившись в сознании, выступают в роли символа, который постоянно воспроизводится.

В этой связи особую актуальность приобретает исследование представлений корейцев о своем происхождении, основанное на мифе о Тангуне. Его образ стал важным компонентом самосознания корейцев на рубеже XIX–XX вв., а также и в период японской оккупации. После разделения страны на два отдельных государства он продолжает играть важную роль в сознании северных и южных корейцев.

Степень изученности темы. При подготовке диссертации были изучены работы отечественных и зарубежных, в первую очередь, южно- и северо-корейских, исследователей, написанные на русском, корейском и английском языках, по нескольким тематическим блокам.

Первый блок исследований, характеризующий внешне- и внутривнутриполитическое положение Кореи в указанный период, позволил обозначить исторический контекст, в котором стало возможным обращение к образу Тангуна. При анализе социально-экономического и политического развития Кореи на разных этапах ее истории автор обращался к работам отечественных и южнокорейских

исследователей. Это, прежде всего, 2-томное издание «История Кореи (с древнейших времен до наших дней)»¹, «История Кореи (Новое прочтение)» под редакцией А. В. Торкунова², труды С. О. Курбанова «Курс лекций по истории Кореи»³, В. М. Тихонова и Кан Мангиля «История Кореи» (в 2 т.)⁴, Хан Ёнью «История Кореи: новый взгляд»⁵, а также «Лекции по новой и новейшей истории Кореи» («Канджва хангук кынхёндэса»), составленные Институтом истории⁶. Также при анализе исторических событий второй половины XIX – первой половины XX в. автор ссылался на монографии И. И. Василевской, Л. В. Забровской, Г. Д. Тягай, Ф. И. Шабшиной и др.⁷

Другой большой блок исследований представляют труды, посвященные этнографии Кореи. Начало научного этнографического корееведения в России было положено еще в 40-е гг. XIX в.⁸ Особо значимыми для изучения проблем этногенеза и этнической истории корейцев представляются труды Н. Я. Бичурина и Н. В. Кюнера⁹. С 1950-х годов намечается постепенный рост интереса к вопросам ранней этнической истории корейцев, чему способствовали также переводы корейских источников. В этой связи следует отметить огромный вклад Р. Ш. Джарылгасиновой в изучение проблем этногенеза и этнической истории корейцев¹⁰. Она была первым в отечественном корееведении исследователем, кто обратился к теме этнического самосознания корейцев¹¹. Проблемы этногенеза и ранней этнической истории корейского народа не могли оставить в стороне отечественные археологи М. В. Воробьев, Ю. М. Бутин и др.¹²

Рассмотрение этнического самосознания корейцев было бы невозможным без привлечения большого круга исследований по духовной культуре корейского народа, которая играет важную роль в определении его этнической специфики. Изучением этой темы в целом, а также отдельными её аспектами

---

¹ История Кореи (с древнейших времен до наших дней). М., 1974. Т. 1 / под ред. Ю. В. Ванина. 470 с.; Т. 2 / под ред. В. Д. Тихомирова. 480 с.

² История Кореи (новое прочтение) / под ред. А. В. Торкунова. М., 2003. 430 с.

³ Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. СПб., 2002. 626 с.

⁴ Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи : в 2 т. М., 2011. Т. 1 : С древнейших времен до 1876 года. 533 с.; Т. 2 : Двадцатый век. 499 с.

⁵ Хан Ёнью. История Кореи. Новый взгляд. М., 2010. 758 с.

⁶ Канджва хангук кынхёндэса (Лекции по новой и новейшей истории Кореи). Сеул, 2003. 479 с.

⁷ Василевская И. И. Колониальная политика Японии в Корею накануне аннексии (1904–1910 гг.). М., 1975. 118 с.; Забровская Л. В. Политика Цинской империи в Корею 1876–1910 гг. М., 1987. 133 с.; Тягай Г. Д. Крестьянское восстание 1893–1895 гг. М., 1953. 207 с.; Её же. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960. 239 с.; Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 года в Корею. М., 1958. 213 с.; Её же. Очерки новейшей истории Кореи (1918–1945 гг.). М., 1959. 276 с. и др.

⁸ Джарылгасинова Р. Ш. Российское (советское) этнографическое корееведение (40–90-е годы XX в.) // Российское корееведение. 1999. Вып. I. С. 46–72.

⁹ Бичурин Н. Я. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950. Ч. II. 333 с.; Кюнер Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Чосон. Владивосток, 1912. 656 с.

¹⁰ Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев). М., 1972. 202 с.; Её же. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Кванегэтхо-вана»). М., 1979. 182 с.

¹¹ Джарылгасинова Р. Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986. 33 с.

¹² Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века : этнос, общество, культура и окружающий мир. СПб., 1997. 432 с.; Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1982. 330 с.

занимались Ю. В. Ионова, Н. И. Конрад, Л. Р. Концевич, С. О. Курбанов, Т. М. Симбирцева, В. М. Тихонов, И. А. Толстокулаков, А. Ф. Троцевич и др.¹³

Что касается южнокорейских исследователей, то, безусловно, количество работ, посвященных изучению этнической истории корейцев, отдельным ее этапам, а также этническому самосознанию и его компонентам, огромно. Прежде всего, это работы Син Ёнха, Юн Нэхёна, Ким Гибона, Ким Тхэхи¹⁴.

Внешним признаком этноса, фиксацией наличия этнического самосознания является этноним. В истории Кореи этнонимы переключались на названия корейских государств и их жителей, таким образом, выполняли функции и политонима. В рассмотрении этого вопроса автор опирался на работы Ю. М. Бутина, Л. Р. Концевича, Ким Самуна, Ли Ванбома, Ли Джона, Хо Ёля, Чон Губока и др.¹⁵

Третий большой тематический блок представлен исследованиями, посвященными изучению мифа о Тангуне.

Среди отечественных исследователей, которые занимались изучением мифа о Тангуне, необходимо особо отметить Л. Р. Концевича, А. Ф. Троцевич, Ю. М. Бутина, Ю. В. Ионову, М. Н. Пострелову¹⁶.

---

¹³ Ионова Ю. В. К вопросу о культе медведя, пещер и гор у корейцев // Страны и народы Востока. М., 1968. Вып. 6. С. 154–157; Её же. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.). М., 1982. 232 с.; Её же. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970. С. 147–174; Её же. Шаманство в Корее (XIX – начало XX в.) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980. С. 4–35; Конрад Н. И. Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX–XX веков. // Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 17–107; Концевич Л. Р. Корееведение. Избранные работы. М., 2001. 639 с.; Курбанов С. О. О важности изучения категории «хё» («сыновней почтительности») для понимания корейской культуры // Вестник ЦКЯиК. 1996. Вып. 1. С. 102–111; Его же. Типы, порядок совершения и сущность церемоний жертвоприношений духам предков в Корее // Вестник ЦКЯиК. 1997. Вып. 2. С. 160–173; Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. М., 2012. 646 с.; Тихонов В. М. Культ предков в современной Республике Корея // Проблемы истории, философии, культуры. М.–Магнитогорск, 1995. Вып. 2. С. 396–401; Толстокулаков И. А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002. 233 с.; Его же. Положение религии в КНДР: история и современность // Корейский полуостров: уроки истории : доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30–31 марта 2010 г.). М., 2010. С. 169–180; Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). СПб., 2004. 323 с. и др.

¹⁴ Син Ёнха. Хангук «вонминджок» хёнсон-гва «чонгындэминджок» хёнсон (Становление корейской «протонации» и «нации, предшествовавшей новому времени») // Сахве-ва ёкса. 2010. Вып. 88. С. 151–194; Юн Нэхён. Тангунхак чоннип-ыль вихан мёт каджи чондже (Несколько предварительных вопросов для образования тангуноведения) // Ко Чосон Тангунхак. 2003. Вып. 8. С. 187–213; Ким Гибон. Ёкса-ый коуль-е пичхво пон хангугин чончхесон (Идентичность корейцев в зеркале истории) // Хангук сахак сахакпо. 2010. Вып. 21. С. 149–170; Ким Тхэхи. Кындэ иджон сиги 'тонин' ыйсик-ый куджо-ва пёнчхон (Структура «тонин ыйсик» до Нового времени и его изменение) // Минджокхак ёнгу. 2009. Вып. 8. С. 119–143.

¹⁵ Концевич Л. Р. Исторические названия Кореи // Этнонимы. М., 1970. С. 61–77; Ким Самун. Кукхо-ро понын пунёль-гва тхонхап-ый хангукса (Разделение и объединение в истории Кореи сквозь призму названий государств) // Инмуль-гва сасан, 2007. Вып. 115. С. 208–217; Ли Ванбом. Кукхо «Тэхан мингук»-ый мёнмён (Название страны «Тэхан мингук») // Хванхэ мунхва. 2008. Вып. 60. С. 48–75; Ли Джон. Ханбандо ёкса-е тхуёнтвен самхан кэнём-ый пёнхва-е тэхан кочхаль (Об изменении понятия *самхан* в истории Корейского полуострова) // Хангук чиёк чири хакхве хаксуль тэхве. 2012. Вып. 2. С. 56–60; Хо Ёль. Конгук кваджон-есойй кукхо нонджен-е тэхан пунсок (Анализ дискуссий, связанных с выбором названия, развернувшихся в период образования государства) // Хангук минджок мунхва. 2004. Вып. 24. С. 349–377; Чон Губок. Ури нара кукхого – ханбандо тхониль иху кукхо чеджон-ыль вихан кичхо ёнгу (Исследование названий государств в Корее – базовое исследование для определения названия страны после объединения государств Корейского полуострова) // Чансогак. 2013. Вып. 29. С. 308–329 и др.

¹⁶ Концевич Л. Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М., 1984. С. 173–192; Троцевич А. Ф. Указ. соч.; Бутин Ю. М. Указ. соч.; Ионова Ю. В. К вопросу о культе...; Пострелова М. Н. Мифический основатель Кореи Тангун и его восприятие в различные исторические периоды // Вопросы истории Кореи : петербургский научный семинар. СПб., 2001. С. 137–158.

В южнокорейской исследовательской литературе в изучении мифа о Тангуне выделяется несколько направлений¹⁷. В исследованиях современных корейских ученых глубоко анализируются миф о Тангуне и идеи, с ним связанные, прежде всего, в контексте идеологии и политики; раскрываются особенности бытования мифа в разные исторические периоды; выявляются этапы трансформации образа Тангуна, выясняются причины, повлиявшие на актуализацию этого образа; переосмысливается его содержание. Разработкой этой проблематики занимаются Со Ёндэ, Ли Икчу, Ха Юнсон и др.¹⁸

В контексте изучения корейской идентичности особый интерес представляют работы Чон Ёнхуна, обращение к которым позволило определить роль идей, связанных с Тангуном, в XX в., а также особенности их функционирования¹⁹. Кроме того, именно Чон Ёнхун дал определение понятию «*национализм Тангуна*» (단군민족주의, *тангунминджокчуй*) и закрепил его в научном обороте.

На значение мифа о Тангуне для корейской национальной культуры обращали внимание Ли Хану, Лим Джэхэ, Мин Ёнхён и др.²⁰ Необходимо отметить работы Ким Донхвана и Ли Сукхва²¹, посвященные *тэджонгё*, а также работы Пак Чунхёна и Хон Сунэ²², в которых раскрывается понимание Тангуна для Пак Ёнсика и Син Чэхэо.

Вопросы изучения Тангуна находят отражение и в северокорейской науке. Особый интерес к этому вопросу проявился после проведенных раскопок гробницы Тангуна. В 1994 г. был опубликован целый сборник статей по этой

---

¹⁷ Чон Ёнхун. Тангунхак ёнгу-ый хёнхван-гва квадже (Ситуация в области тангуноведения и задачи) // Ко Чосон Тангунхак. 1999. Вып. 1. С. 1–28.

¹⁸ Со Ёндэ. Чонтхонсидэ-ый тангун инсик (Представление о Тангуне в традиционном обществе) // Тангун-гва Ко Чосонса. Сеул, 2000. С. 159–183; Ли Икчу. Корёхуги тангунсинхва киро-ый сидэджок пэгён (Описание исторической ситуации, когда были сделаны записи мифа о Тангуне, в последний период Корё) // Мунмёнёнджи. 2003. Вып. 4. № 2. С. 47–57; Ха Юнсон. Чосон хуги тангун-е тэхан киок-ый пёнхва-ва кы соин (Изменения памяти о Тангуне в поздний Чосон и их причины) // Ури мунхак ёнгу. 2013. Вып. 38. С. 253–286.

¹⁹ Чон Ёнхун. Кэчхонджоль, кы 'мандыроджин чонтхон'-ый юрэ-ва чхуи кыриго пэгён (Кэчхонджоль, основы этой «созданной традиции», изменения и контекст) // Ко Чосон Тангунхак. 2010. № 23. С. 401–444; Его же. Минджок тхониль ундон-гва тангунминджокчуй (Национальные движения за объединение и национализм Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак. 2004. Вып. 11. С. 271–301; Его же. Самильундон-гва тангунминджокчуй (Первомартовское движение и национализм Тангуна) // Тонъян чончхи сасанса. 2012. Вып. 11, № 2. С. 63–90; Его же. Танги ёнхо, кэчхонджоль куккёниль, хонигинган кёюк инём (Летоисчисление *танги*, государственный праздник *кэчхонджоль*, педагогическая идея *хонигинган*) // Чонсин мунхва ёнгу. 2008. Вып. 31, № 4. С. 163–193; Его же. Тангунминджокчуй-ый чонса (Предыстория национализма Тангуна) // Ко Чосон Тангунхак. 2003. Вып. 8. С. 145–185; Его же. Тангуксинхва-ый чончхисасан (Политические идеи мифа о Тангуне) // Тонъян чончхи сасанса. 2009. Вып. 8, № 2. С. 5–31; Его же. Хангугин-ый чончхесон-гва хонигинган инём (Идентичность корейцев и идея *хонигинган*) // Ко Чонсон Тангунхак. 2002. № 6. С. 145–169 и др.

²⁰ Ли Хану. Тангунсинхва-рыль тхонхан корёин чончхесон кёюк (Воспитание идентичности этнических корейцев *корёин* через миф о Тангуне) // Хангук сасан-гва мунхва. 2010. Вып. 55. С. 459–482; Лим Джэхэ. Тангунсинхва-е кальмурутвен мунхваджок вонхён-гва минджок мунхва-ый чончхесон (Культурный архетип, основанный на мифе о Тангуне, и национальная культурная идентичность) // Тангунхак ёнгу. 2007. Вып. 16. С. 273–348; Мин Ёнхён. Ханминджок-ый мунхва вонхён-гва тангун (Корейский национальный культурный архетип и Тангун) // Тангунхак ёнгу. 2007. Вып. 17. С. 221–253 и др.

²¹ Ким Донхван. Хангук чонгёса сок-есой тангунминджокчуй (Национализм Тангуна в истории корейской религии) // Синджонгё ёнгу. 2003. Вып. 8. С. 61–83; Ли Сукхва. Тэджонгё соллип чхоги ильдже-ый тханап-ква тэын янсан (Притеснения со стороны японских империалистов в первые годы после образования *тэджонгё* и реакция на них) // Сондо мунхва. 2014. Вып. 18. С. 141–184.

²² Пак Чунхён. Пэгам Пак Ёнсик-ый ко чосон инсик – Син Чэхэо-ва пигё-рыль чунсим-ыро (Понимание Древнего Чосона у Пак Ёнсика – в сравнении с Син Чэхэо) // Хангук сахакпо. 2014. Вып. 54. С. 7–31; Хон Сунэ. Кындэ кемонги тангунсинхва тамнон-ый сосаджок чэхён – Пак Ёнсик-ыль чунсим-ыро (Миф о Тангуне в период *кэмон* – на примере работ Пак Ёнсика) // Ханминджок мунхва ёнгу. 2009. Вып. 28. С. 197–225.

теме²³. Об отношении к идеям Тангуна в КНДР свидетельствуют работы южнокорейских исследователей Но Тхэдона, Лим Чхэука, Ли Джонсока²⁴.

Интерес ученых РК и КНДР к мифу о Тангуне и идеям, которые в нем содержатся, объясняется тем, что они могут быть полезными в решении вопроса объединения двух корейских государств. В то же время следует отметить, что в отечественной историографии эти проблемы исследованы недостаточно, что и определило тему диссертационной работы.

Объектом исследования является этническое самосознание корейцев конца XIX – начала XXI в.

Предметом исследования является историко-мифологический аспект этнического самосознания корейцев конца XIX – начала XXI в.

Целью данной работы стало выявление особенностей функционирования историко-мифологических идей и их роль в самосознании корейцев с конца XIX по начало XXI в.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

– охарактеризовать социально-экономическую и внешнеполитическую ситуацию в Корее в конце XIX – начале XX в.;

– выявить причины актуализации интереса к мифу о Тангуне к началу XX в.;

– проанализировать роль и особенности функционирования мифологических идей в период японской оккупации;

– выявить особенности функционирования идей, связанных с Тангуном, в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике;

– рассмотреть перспективу влияния мифологических идей на общекорейское самосознание.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с конца XIX в. по начало XXI в. Нижняя хронологическая граница определена именно концом XIX в., так как в это время в Корее происходил кризис и упадок позднефеодального социально-экономического и политического строя, кардинально менялось внешнеполитическое положение Кореи, что не могло не отразиться на самосознании корейцев, в эволюции которого намечался новый этап, связанный с актуализацией национального самосознания. Для углубленного понимания значимости для корейцев идей о Тангуне автор диссертационного исследования обращался к более ранним периодам корейской истории. Верхняя граница соответствует началу XXI в. и определяется доступностью северо- и южнокорейских материалов, свидетельствующих об отношении к идеям о Тангуне.

Территориальные рамки определены Корейским полуостровом, на котором до 1905 г. существовало единое корейское государство (до 1897 г. оно

---

²³ Тангун-гва кочосон-е кванхан ёнгуронмунджип (Сборник статей по изучению Тангуна и Древнего Чосона). Пхеньян, 1994. 147 с.

²⁴ Но Тхэдон. Пукхан накке-ый кочосонса ёнгу тонхян (Тенденции в исследовании истории Древнего Чосона в северокорейской науке) // Тангун-гва Ко Чосонса. Сеул, 2000. С. 240–264; Лим Чхэук. Пукхан мунхва-ый ихэ (Понимание северокорейской культуры). Инчхон, 2004. 407 с.; Ли Джонсок. Тангунваннын пальгуль-гва пукхан-ый минджокчуый (Раскопки гробницы Тангуна и северокорейский национализм) // Тхониль хангук. 1994. Вып. 4. С. 68–71.

называлось *Чосон*, в 1897 г. было переименовано в *Тэхан джегук*). С 1905 по 1910 г. оно попало под протекторат Японии, а затем наступил период японской оккупации, продлившийся до 1945 г. В 1948 г. на территории Корейского полуострова образовалось два корейских государства – Корейская Народно-Демократическая Республика (Северная Корея) – *Чосон минджуджуый инмин конхвагук* (조선민주주의인민공화국) и Республика Корея (Южная Корея) – *Тэхан мингук* (대한민국).

В основе **теоретико-методологической основы исследования** лежит принцип историзма. Он позволил проанализировать трансформацию идей, связанных с Тангуном, в контексте конкретных исторических условий.

При исследовании эволюции корейского этноса и этнического самосознания использовался синтез примордиализма и конструктивизма²⁵. С одной стороны, в трансформации этнического самосознания можно проследить естественно-исторические причины, влияние этнических процессов, проходящих в рамках реально существующих групп людей. С другой стороны, невозможно отрицать факт влияния отдельных политических лидеров, интеллектуальной элиты, сознательно создающих идеальные феномены, а также ситуативность социальных условий в целом, что соответствует взглядам конструктивистов.

В работах отечественных этнографов в качестве одного из признаков этноса выделяется этническое самосознание, под которым понимается «осознание членами этноса своей специфической общности»²⁶. Такое понимание этнического самосознания Ю. В. Бромлеем, можно соотнести с понятием «этничность» конструктивистов.

В определении представления об общности происхождения (которое на корейском этнографическом материале выражено в идеи Тангуна как первопредка всех корейцев) в качестве одного из компонентов этнического самосознания автор опирался на теоретические выводы, сделанные Ю. В. Бромлеем и М. В. Крюковым²⁷, в отношении структуры этнического самосознания. Для уточнения содержания «общности происхождения» большое значение имели труды Г. В. Шелепова²⁸ и Ю. В. Бромлея. На важность стадийного анализа этнического самосознания указывал В. И. Козлов²⁹, он же отмечал возрастающую роль этнического самосознания именно в период формирования нации, т.е. нового этапа этнических общностей, а установление национального самосознания, в свою очередь, считал невозможным без усиления представлений об общности происхождения.

Обращение к представлению о Тангуне на рубеже XIX–XX вв. также проанализировано и в рамках конструктивистского подхода и соотносится с

---

²⁵ Подход примордиалистов был рассмотрен на основе анализа работ С. М. Широкогорова, Ю. В. Бромлея, конструктивистов – работ Ф. Барта, Б. Андерсона, Э. Геллнера и Э. Хобсбаума.

²⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173.

²⁷ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М., 1976. 6. С. 58–59.

²⁸ Шелепов Г. В. Общность происхождения – признак этнической общности // Советская этнография. 1968. № 4. С. 65–74.

²⁹ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79–92.

концепцией «изобретения традиции» Э. Хобсбаума. Однако, объяснение процесса «изобретения традиции» не является достаточным при анализе причин, которые определили возможность выхода на первый план именно представления о Тангуне как прародителе корейцев. Применение исключительно конструктивистского подхода, не дает ответа на вопрос, почему эти идеи были восприняты большинством. В рамках теории конструктивизма отрицается роль самих, реальных, этнических процессов. Причины актуализации традиции становятся понятными, если обратиться к взглядам примордиалистов. Такой подход к анализу проблемы происхождения и возрождения традиционных культур был предложен Л. И. Шерстовой³⁰. Этнос, оказавшись в условиях кризиса, вызывает появление личностей, предлагающих выходы из него – различные варианты «традиционной культуры», однако выбор в пользу того или иного варианта в большей степени основывается на мнении большинства. В таком случае становится возможным возрождение определенных идей, а значит, представляется правильным их считать не изобретенными, а актуализированными.

Среди общенаучных методов, применяемых в работе, были использованы анализ и синтез. В исследовании применялись и специальные этнологические методы: сравнительно-этнографический, метод типологического анализа, системный подход. Первый использовался при выявлении особенностей корейского этнического самосознания на различных этапах корейской истории, второй – при определении представления о происхождении как одного из компонентов этнического самосознания. Системный подход позволил рассмотреть корейское этническое самосознание как целостную систему с ее общими и особенными характеристиками. При работе над темой данного диссертационного исследования не проводились самостоятельные социологические опросы, однако анализировались данные уже проведенных опросов.

Также в диссертации использовался метод наблюдения. Во время пребывания в Республике Корея (август 2009 – февраль 2013 г.) автором проводилось наблюдение элементов традиционной культуры и их функционирования в современном южнокорейском обществе.

Источниковую базу исследования составляют различные виды письменных источников, среди которых можно выделить исторические и литературные произведения, в которых упоминается о Тангуне – «*Самгук юса*», «*Чеван унги*», «*Тэдон кодэсарон*», «*Токса силлон*» и др. В силу отсутствия прямого доступа к указанным источникам для знакомства с их содержанием автор обращался к работам, в которых они анализировались, и приводился их частичный перевод³¹.

---

³⁰ Шерстова Л. И. Этническая консолидация или конструирование: проблема генезиса традиционных культур / Вестник Томского государственного университета. 2016. Вып. 402. С. 177.

³¹ Концевич Л. Р. Древнекорейский миф о Тангуне и его ономастикон // Этническая ономастика. М., 1984. С. 173–192; Пак Кванхён. Тангунсинан-ый одже-ва оныль (Вера в Тангуна вчера и сегодня) // Хангукса Симинканджва 27. 2000. № 8. С. 57–79; Пак Чунхён. Пэгам Пак Ынсик-ый ко чосон инсик – Син Чхэхо-ва пигёрыль чунсим-ыро (Понимание Древнего Чосона у Пак Ынсика – в сравнении с Син Чхэхо) // Хакгук сахакпо. 2014. Вып. 54. С. 7–31; Хон Сунэ. Кындэ кемонги тангунсинхва тамнон-ый сосаджок чэхён – Пак Ынсик-ыль чунсим-ыро (Миф о Тангуне в период *кэмон* – на примере работ Пак Ынсика) // Ханминджок мунхва ёнгу. 2009. Вып. 28. С. 197–225 и др.

Кроме того, в диссертации анализировались законодательные акты, в которых фиксировалось закрепление идей о Тангуне на государственном уровне (Закон о летоисчислении, Закон об образовании, Закон о национальных праздниках и т.д.)³².

Для анализа отношения к Тангуну на современном этапе привлекались материалы проведенных социологических опросов. Результаты опросов 1985 г. и 1997 г. были опубликованы в периодических изданиях³³. В 2005, 2010 и 2015 гг. были проведены опросы общественного мнения южных корейцев под общим названием «Идентичность корейцев». Результаты опросов 2005, 2010 гг. находятся в свободном доступе на сайте Института азиатских проблем при университете Корё³⁴. Они послужили основой для анализа идентичности южных корейцев. Данные опроса 2015 г. были взяты из статей в периодической печати.

Материалы печатных изданий явились важным источником для изучения современного отношения к идеям Тангуна как в Республике Корея, так и Корейской Народно-Демократической республике. В исследовании привлекались материалы из «*Чунъан альбо*», «*Кёнхян синмун*», «*Ёнхан нюсы*» и т.д. Кроме того, в своем исследовании автор ссылался на материалы, размещенные на сайтах религиозных организаций³⁵.

Круг источников и исследовательской литературы, которые бы свидетельствовали об отношении к образу Тангуна в Северной Корее, достаточно ограничен. При написании диссертационной работы использовались материалы, размещенные на северокорейском сайте «*Нэнара*», и заявления официальных лиц КНДР, а также сведения, представленные в отечественной и южнокорейской научной литературе и данные южнокорейских СМИ.

Научная новизна исследования определяется тем, что была предпринята попытка анализа влияния идей, связанных с Тангуном, на формирование этнического самосознания корейцев, прослежена их трансформация на протяжении XX в. и выявлены особенности их функционирования на современном этапе в двух корейских государствах – КНДР и РК. Также выявлена роль политического фактора в трансформациях этнического самосознания. До настоящего времени отечественными корееведами отмечалась значимость представлений о Тангуне в самосознании корейцев, однако эта проблема не становилась предметом отдельного исследования.

---

³² Кукка помнён чонбо сентхо (Информационный центр по корейскому законодательству) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.go.kr/main.html> (дата обращения: 10.08.2015).

³³ Хангугин 54% Тангун-ын сильджон инмуль («54% корейцев считают, что "Тангун был реально существовавшей личностью"») [Электронный ресурс] // Кёнхян синмун от 07.08.1985 г. URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1985080700329207007&editNo=2&printCount=1&publishDate=1985-08-07&officeId=00032&pageNo=7&printNo=12265&publishType=00020> (дата обращения: 05.03.2016); «Тангиёнхо саён» чольбан номке хыйман (Более половины опрошенных хотят 'использовать летоисчисление танги') [Электронный ресурс] // Кёнхян синмун от 02.10.1997. <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1997100200329101014&editNo=45&printCount=1&publishDate=1997-10-> (дата обращения: 05.03.2016).

³⁴ Хангугин-ый чончхесон часа (Исследование идентичности корейцев) [Электронный ресурс] // Корё тэхаккё аса мундже ёнгусо (Институт азиатских проблем при университете Корё). URL: http://www.asiaticresearch.org/front/content/view.do?content_seq=29 (дата обращения: 05.03.2016).

³⁵ Тэджонгё (Тэджонгё) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.daejonggyo.or.kr/> (дата обращения: 01.05.2016).

При проведении исследования было изучено большое количество научных работ на корейском языке, основные идеи и положения которых были переведены на русский язык, представлены и проанализированы в работе. Таким образом, в научный оборот были введены исследования таких южнокорейских авторов, как Ким Гибон, Ким Самун, Ким Тхэхи, Ким Ыйсук, Ли Ванбом, Ли Джон, Ли Икчу, Ли Хану, Син Ёнха, Со Ёндэ, Ха Юнсоп, Чон Губок, Чон Ёнхун, Юн Гёнсу, Юн Нэхён и др., что тоже является немаловажным фактором при определении значения диссертационной работы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в выявлении механизмов актуализации историко-мифологического наследия, как одного из важнейших факторов формирования этнического самосознания, как в традиционных, так и современных обществах. В исследовании на корейском этнографическом материале показано как значение историко-мифологической традиции в оформлении этнического самосознания, так и влияние на этот процесс современных мифологических конструкторов.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его результатов при подготовке учебных пособий и курсов «Этнография Кореи», «История Кореи», при разработке тематических лекций, спецкурсов, методических пособий, а также может выступить в качестве материала для прогнозирования последующего функционирования анализируемых в работе идей в самосознании корейцев.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проблемы в социально-экономической и политической жизни Кореи в конце XIX в., а также потеря государственного суверенитета вследствие установления японского протектората, а затем оккупация в первой половине XX в. стали важным фактором, с одной стороны, вызвавшим кризис традиционного этнического самосознания, с другой стороны, важным импульсом, способствовавшим консолидации народа и выходу этнического самосознания на первый план по сравнению с региональной или клановой идентичностями.

2. Идея об общем прародителе Тангуне выступает как способ актуализации этнического самосознания корейцев в кризисные периоды их истории. Так происходило в период монгольского вторжения (XIII в.), Имджинской войны (1592–1598 гг.), маньчжурского вторжения (первая половина XVII в.), в период японского протектората и оккупации (первая половина XX в.). Это же явление наблюдается на рубеже XX–XXI вв. Образ Тангуна, как символа корейского народа, актуализирован в научной литературе и общественно-политическом сознании населения, как Корейской Народно-Демократической Республики, так и Республики Корея.

3. Несмотря на значимость деятельности отдельных личностей в актуализации историко-мифологических идей, возрождение их и широкое распространение не было бы возможным без длительной истории их функционирования в сознании людей на протяжении всей корейской истории. Миф о Тангуне является проявлением традиционного для корейцев культа предков, который сохраняется на протяжении всего существования корейского

этноса, став одним из факторов поддержания этнического сознания корейцев и критерием принятия культурных новаций или отказа от них.

4. Идеи, связанные с Тангуном, в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике проявляются по-разному. В РК они выражены косвенно через празднование *кэчхонджоль*, применение в образовании идеи *хонигинган*, а ранее и в использовании летоисчисления *танги*. В КНДР раскопки гробницы Тангуна символизировали собой новый всплеск интереса к идеям о Тангуне, повлекли за собой введение праздника *кэчхонджоль* и активное использование этих идей в идеологических целях. Таким образом, идеи о Тангуне продолжают воспроизводиться в обоих государствах, как в Южной, так и Северной Корее, и оба государства проводят политику по поддержанию этих идей. Политика эта выражена в использовании этих идей в образовании, проведении различных мероприятий, в том числе, и научного плана.

5. Тот факт, что в двух странах сохраняется и даже возрождается общее как для Севера, так и для Юга, а также важное при определении этноса, представление об общности происхождения, дает компонент «культурной» основы для возможного формирования общекорейского самосознания.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность полученных результатов определяется всесторонним анализом научно-исследовательской литературы по теме исследования, а также репрезентативностью источниковой базы исследования, которая включает в себя различные типы письменных источников.

Публикации по теме диссертации и апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в трех научных публикациях, которые вышли в журналах, рекомендованных ВАК, а также в выступлениях автора на трех международных конференциях (Томск, сентябрь 2014, октябрь 2014, Санкт-Петербург, апрель 2015), а также XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, июль 2015) и 20-й ежегодной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, март 2016).

Структура диссертации определяется целью, задачами и концепцией исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, дается оценка степени ее разработанности в отечественной и корейской исторической науке, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, обозначаются хронологические и территориальные рамки, характеризуются методологическая основа и источниковая база исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту, подтверждается апробация работы.

В **первой главе** «Политическая и социально-экономическая ситуация в Корее в конце XIX в.» дается характеристика социально-экономической и

внешнеполитической ситуации в Корее в конце XIX в., выявляются причины актуализации интереса мифа о Тангуне к началу XX в.

В первом разделе «Внутренние причины политического и социально-экономического кризиса в Корее конца XIX в.» анализируются социально-политические процессы в Корее в конце XIX в., указывается на глубокий кризис корейской государственности, который стал одной из причин и кризиса корейского самосознания. С середины XIX в. все сильнее нарастает недовольство населения действиями правительства и местными чиновниками. К концу XIX в. ситуация лишь обостряется. Выражением кризиса во всех областях корейской государственности становятся крестьянские восстания, постоянный рост народного недовольства, антиправительственные выступления, обращение к чуждому корейцам христианству, а также начавшиеся массовые миграции корейцев. К решению же проблем, которое требовалось еще в середине XIX в., реально удалось подступить только к концу века. Однако к этому времени Япония уже имела слишком сильные позиции на Корейском полуострове и влияние ее только усиливалось.

Во втором разделе «Влияние внешнеполитического фактора на ситуацию в Корее конца XIX в.» акцентируется внимание на изменяющемся в то время внешнеполитическом положении Кореи, анализируется процесс «замены» китайского влияния на японское, а также реакция на это корейского общества.

Вторая половина XIX в. стала временем, когда предпринимались попытки, как со стороны власти, так и со стороны оппозиции и простого народа предотвратить кризис, который становился все более явным, показать свой путь выхода из него. Однако реформы, проводимые правительством, скорее были направлены на сохранение своей собственной власти. Они были одномоментным ответом на взрыв недовольства, а не последовательно проводимой в жизнь программой. Оппозиция не была сильной, убедительной, не представила реальной альтернативы. Народ был озабочен решением сложившегося и все время ухудшавшегося своего положения, поэтому восстания, поднимаемые им, и выдвигаемые лозунги также были направлены на облегчение собственного положения. В обществе отсутствовало единство. Только после того, как в Корее начинает все заметнее усиливаться влияние иностранных государств, происходит консолидация народа вокруг идеи противостояния иностранному засилью.

Изменившееся внешнеполитическое положение Кореи, безусловно, отразилось и на самосознании корейцев. Во-первых, активное вмешательство иностранцев в корейскую внутреннюю политику, а также проникновение в корейскую экономику вызвали недовольство корейцев. Во-вторых, именно знакомство с «другим» стало важным импульсом к осознанию «себя». К концу XIX в. четко осознавалась необходимость борьбы за независимость. Начинается переход от регионального и кланового уровней этнического самосознания к поиску общенационального.

Третий раздел «Кризис корейского этнического самосознания и актуализация религиозно-мифологического наследия на рубеже XIX–XX вв.» состоит из двух подразделов и посвящен рассмотрению вопроса выделения и

становления в этот период нового типа самосознания – национального самосознания.

Кризис в социально-политическом и экономическом положении Кореи и ее изменившееся внешнеполитическое положение оказались важным фактором, усугубившим идеологический кризис, который прослеживался на протяжении всего XIX в. и был выражен, в том числе, и во всплеске интереса к новым религиозным системам. С XIX в. связывают проникновение и распространение христианства, а также возникновение учения *тонхак*, которое к началу XX в. трансформировалось в общенациональное религиозное течение *Чхондогё* («Учение о небесном пути»). Все это в полной мере оказывало влияние на формирование нового типа самосознания корейцев. На этапе формирования нации нечеткие границы между религиозными и национальными движениями являются вполне закономерными. При этом оставалось велико значение культа предков, который является важной основой, сохраняющейся на протяжении всего существования корейского этноса, и одним из факторов его поддержания.

Сложившиеся условия способствовали активизации мифолого-религиозное наследие корейцев и обусловили формирование нового типа самосознания, в котором это наследие заняло ключевую роль. При укреплении национального самосознания закономерным было усиление представления об общности происхождения.

В **первом подразделе** «Этапы формирования корейского самосознания» анализируются различные подходы в выделении этапов развития самосознания корейцев. Изученные исследования южнокорейских ученых позволяют убедиться в том, что несмотря на различные основания для выделения этапов, многие авторы указывают на такие важные периоды в корейской истории как формирование Объединенного Силла, становление династии Корё и Ли, что еще раз подтверждает тезис о параллельности и взаимовлиянии процессов этногенеза и политогенеза. Исследователи сходятся во мнении, что для конца XIX в. характерен переход к особой форме этнической общности и характерного для него самосознания. При этом не опровергается и утверждение о том, что до этого времени, по крайней мере, с конца периода Корё и начала Чосон (XIV в.) (а в работах некоторых исследователей и намного раньше), население Корейского полуострова представляло собой единую этническую общность с соответствующим ей самосознанием. Однако необходимо учитывать тот факт, что особенности феодальной эпохи непременно сказывались и на этническом самосознании, которое зачастую оттеснялось на периферию, т.к. для того времени более важными были отношения родовые, региональные и т.д.

Во **втором подразделе** «Трансформация представлений о Тангуне» рассматривается место, которое в самосознании корейцев занимало представление об общем происхождении, и как менялось само это представление. Отмечается что, несмотря на различные формы выражения, бытование представления о Тангуне имеет длительную историю, а также указывается на то, что существуют трудности в определении соотношения таких героев как Тангун и Киджа в период династии Ли. Подтверждением последнего, например, может служить отсутствие единого мнения среди исследователей о значении выбора Чосон в

качестве названия государства. Можно констатировать, что с XIV в. по XIX в. существуют противоположные точки зрения относительно представлений о Тангуне и Киджа. Трактовка событий не однозначна и требует более подробного рассмотрения этой проблемы в контексте отношений «сюзерен-вассал» между Китаем и Кореей. Это еще раз указывает на сложный характер формирования единого этнического самосознания корейцев, наличия различных компонентов в нем. Все это позволяет согласиться с тем, что эти два представления об истоках своего прошлого «сталкивались» в корейской традиции не один раз.

Рассматривать изменения представлений о Тангуне и Киджа в контексте отношений между Китаем и Кореей представляется очень плодотворным, так как такой подход дает ответ на вопрос, почему в конце XIX – начале XX в. все-таки представление о Тангуне заняло ключевое место в самосознании корейцев. А Киджа – выходец из Китая, с которым также в некоторых источниках связаны основы корейской государственности, отошел на второй план. В конце XIX в. происходят изменения в системе международных отношений в Дальневосточном регионе. С одной стороны, «отход» от отношений с Китаем в рамках «сюзерен-вассал» позволил корейцам отказаться от представления о Киджа, с другой стороны, на это оказывала влияние политика, проводимая японцами. В результате был актуализирован образ «своего прародителя» – Тангуна.

Вторая глава «Особенности функционирования мифологических идей в период японского протектората и оккупации (1905–1945 гг.)» состоит из двух разделов и посвящена исследованию трансформации представления о Тангуне в первой половине XX в., определению места, которое оно занимало в самосознании корейцев, а также в их антияпонской борьбе.

В **первом разделе** «Социально-политическая ситуация в Корее в период японского протектората и оккупации (1905–1945 гг.)» дается краткая характеристика исторического контекста, без понимания которого было бы невозможным понимание причин актуализации образа Тангуна в этот период. Также особо отмечается смена прежнего названия государства *Тэхан джегук* на *Чосон* в 1910 г. и то, какое значение этому придавалось. Несмотря на то, что японским генерал-губернатором было объявлено о смене названия государства, на самом деле речь шла только о названии колонии. Запрет на использовании японцами *хан* повлек за собой то, что это слово стало символизировать антияпонский дух.

Во **втором разделе** «Переосмысление корейцами своего культурного наследия в период японского протектората и оккупации (1905–1945 гг.)» подчеркивается, что основы того отношения к Тангуну, которое сложилось в первой половине XX в., были заложены в поздний период Чосон (XVII–XIX вв.) учеными-сирхакистами. В поздний период Чосон (XVII–XIX вв.) Тангуна они уже воспринимали как культурного героя, стоявшего у истоков корейской культуры, и теперь продолжались поиски подтверждения такой точки зрения. Отмечается косвенная роль миссионеров в наметившемся росте интереса к национальной истории и культуре. На примере первых учебников показываются изменения, которые произошли в корейском обществе по отношению к Тангуну. 1905–1906 гг. становятся поворотными в понимании Тангуна, в это время он

демифологизируется и начинает восприниматься как реальный исторический персонаж.

Необходимо также указать на взаимосвязь конкретной исторической ситуации и того значения, которое приписывалось Тангуну. Если до начала XX в. он выступал как символ древнего корейского государства, то уже в начале XX в. его образ тесно переплетается с патриотическим движением, движением за национальную независимость, т.е. Тангун становится героем, который может оказывать влияние и на сегодняшнюю ситуацию. Такому пониманию способствовал и тот факт, что Тангун и период Древнего Чосона становятся предметом изучения не только отдельных исследователей, но все чаще о нем и его государстве появляются упоминания в печатных изданиях (авторами которых были те же самые исследователи), что позволяло этим идеям быстро распространяться и закрепляться в сознании простых людей. Так, в это время происходит формирование понятия «нация» (민족, *минджок*), в определении которого в качестве важного элемента выступает «общий предок». Обращение к таким понятиям как «нация», «страна» также дало базу для нового толкование образа Тангуна.

В «возрождении» образа Тангуна важную роль сыграли ученые того времени – Пак Ынсик (1859–1925 гг.) Син Чхэхо (1880–1936 гг.) и Чан Джиён (1887–1976 гг.), которые заложили основы новой идентичности корейцев. Они отказались от описания исторических событий в рамках сложившейся традиции преклонения перед сильным государством – Китаем, и определили принцип независимого описания истории Кореи. В рамках такого подхода актуализируется и образ Тангуна.

В конце первого десятилетия XX в. в понимании Тангуна намечается новое изменение и, прежде всего, обращение к религиозно-мифологической составляющей его образа. Связано такое изменение было со сложившейся исторической ситуацией. Вновь «мифологизированная форма» Тангуна находит свое выражение в религии *тэджонгё*, основанной на вере в существование «первопредка корейцев» – Тангуне. Появление такого религиозного феномена, как *тэджонгё*, который для корейцев представлялся в форме национальной религии, и в то же время, обладал признаками универсальной религии, явился показательным примером осмысления корейцами своей истории и своего места в мировом историческом процессе.

Рассмотренные примеры убеждают, что существовавшее до начала XX в. представление о Тангуне, в первой половине XX в. переживает свое новое рождение, трансформируется в условиях японской протектората и оккупации, занимает важное место в антияпонской борьбе и в новом формирующемся национальном самосознании. При этом большая роль в «возрождении» и «выдвижении» идеи Тангуна отводится отдельным представителям интеллектуальной элиты, при этом «возрождение и выдвижение» стало возможным только при условии, что оно соответствовало «запросу общества» и было ему знакомо и понятно.

В **третьей главе** «Миф о Тангуне в Республике Корея и Корейской Народно-Демократической Республике (вторая половина XX – начало XXI в.)»

анализируется роль представлений о Тангуне в южно- и северокорейском обществах. Для этого в **первом разделе** «Разделение этноса: вопрос этнонима и названия страны (1945–1948 гг.)» указывается на то, что внешнеполитический фактор выступил не только условием разделения единого Корейского государства, но начавшиеся вследствие этого дискуссии о названии этноса и новых корейских государств на севере и юге Корейского полуострова, заложили основу для разделения единого корейского этноса и формирования новых корейских идентичностей в рамках двух корейских государств.

Во **втором разделе** «Функционирование идей о Тангуне в Республике Корея» исследуется то, каким образом идеи, связанные с Тангуном, нашли свое выражение в южнокорейском обществе. Для этого анализируется использование летоисчисления *танги* в качестве официального, установление праздника *кэчхонджоль* в качестве национального, признания идеи *хонигинган* в качестве основного понятия «образования», а также принятие официального изображения Тангуна и принципов описания периода корейской истории, с ним связанного. Также в диссертации рассматриваются дискуссии, развернувшиеся вокруг его образа. Проведенный анализ источников и литературы убеждают в том, что идеи, заложенные в мифе, находят свое новое выражение, становятся, по сути, «актуализированной» и «трансформированной традицией» и частью политической идентичности. Они активно используются при решении задач, связанных с поддержанием национальной идентичности, а также позволяют судить о роли традиционной культуры в сохранении и поддержании национальной идентичности современных корейцев.

Актуальность и значимость героя Тангуна в южнокорейском обществе подтверждается и различными социологическими исследованиями. Они указывают на то, что Тангун занимал важное место в сознании корейцев 1980–1990-х гг., а также на то, что большинство корейцев РК считало его важным элементом в формировании и поддержании этнического самосознания. Результаты же опросов, посвященных изучению современной корейской идентичности, дают возможность отметить такую тенденцию как усиление роли именно «южнокорейской идентичности», по сравнению с этнической, общекорейской идентичностью, а также указывают на выход на первый план именно гражданской идентичности, постепенное увеличение значимости политической общности – «южнокорейской нации», по сравнению с этнической. Однако это не означает отказ от общекорейской этнической идентичности для южных корейцев. Она присутствует в полной мере, основным маркером ее как раз является общая история и культура.

В **третьем разделе** третьей главы «Функционирование идей о Тангуне в Корейской Народно-Демократической Республике» указывается на тесную связь трансформации образа Тангуна в Северной Корее с изменениями, которые происходили в исторической науке этого государства, и которые, в свою очередь, были обусловлены идеологическими установками. На основе анализа исследовательской литературы и источников отмечаются этапы функционирования представления о Тангуне в КНДР, и выделяется 1993 г. как поворотный в понимании значимости образа Тангуна в КНДР. Однако почва для изменения в восприятии Тангуна готовилась в Северной Корее заранее:

постепенно изменялось отношения к традиционной культуре, изменялись ключевые основания в определении «нации». Обращение же к образу Тангуна не только и не сколько нужно рассматривать в контексте истории, сколько в контексте идеологии и политики. После того, как был сформулирован новый подход в трактовке восприятия Тангуна, начинается его активная пропаганда.

Выполнение мифом о Тангуне так называемой «идеологической функции» не было изобретением XX в. и тем более XXI в. Важно отметить, что возможность использования этих идей в такой функции было обусловлено долгой историей бытования этого мифа и закреплением его в качестве важного элемента корейского самосознания.

В четвертом разделе «Современные корейцы – два государства, две нации» анализируется роль названий государств и их соотношение с этническим самосознанием корейцев юга и севера полуострова. Название государства, с одной стороны, можно рассматривать как формальный конструкт, с другой же, закрепление этого конструкта в обществе невозможно без наличия определенной базы, способствовавшей этому. Многочисленные дискуссии, которые разворачивались каждый раз, когда ставилась задача определения названия для Корейского государства, свидетельствуют о не совсем формальной его роли. В начале XXI в. вопрос о названии страны также продолжает оставаться актуальным для корейского общества. Использование же корейцами на сегодняшний день в качестве основы для названия своей страны разных этнонимов может свидетельствовать о коренных изменениях этнического самосознания, о происходящих процессах этнической парциации. Однако, если учитывать тот факт, что каждая из стран другую называет в соответствии со своим названием, т.е. каждая сторона как бы отождествляет себя с другой стороной и, тем самым, подчеркивает свое единство, то с вышеуказанным предположением согласиться сложно. Нельзя отбрасывать и тот факт, что этнические процессы не происходят изолированно, на них оказывают огромное влияние политические и социально-экономические факторы, поэтому от результатов внутрикореяского политического диалога во многом зависит сохранение общекорейского самосознания, а значит, возможно, и будущее название единого корейского государства.

В заключении сведены выводы, сформулированные в главах, и подведен итог проведенного исследования. Ход диссертационной работы позволил проанализировать механизм актуализации представления об общем происхождении корейцев, выраженный в идеи о «прародителе всех корейцев» – Тангуне, как одного из важнейших факторов формирования и функционирования этнического самосознания корейцев. Если рассматривать современный корейский этнос, как единый, то на него одновременно действуют противоположные, по сути, процессы. С одной стороны, в двух Кореях, наблюдается тенденция к восстановлению «общего культурного наследия», например, происходит актуализация образа Тангуна, «как прародителя всех корейцев и основателя Кореи». С другой стороны, наблюдается усиление противопоставления «свой-чужой», основанное на различных социально-политических моделях двух корейских государств,

проявление которого можно увидеть в различном отношении к одним и тем же событиям истории, явлениям культуры, попытке «поделить» общую культуру.

Какие тенденции будут оказывать большее влияние, а значит, какие этнические процессы будут превалировать в будущем, в значительной степени зависит от влияния политических и экономических факторов в обеих Кореях, а также от воздействия внешнеполитической ситуации. В случае, если тенденции к консолидации окажутся сильнее, то возможно «восстановление–формирование» общего корейского самосознания, выражением которого должно стать и появление или возрождение общего этнонима. Оставляя в стороне вопросы политического и экономического объединения, важно подчеркнуть, что объединение народа невозможно без объединяющей культурной основы. И тот факт, что в двух странах сохраняется и даже возрождается общее, как для Севера, так и для Юга, а также важное при определении этноса, представление об общности происхождения, укрепляет культурную (историко-мифологическую) основу для возможного объединения.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Носкова Н. Г.** Миф о Тангуне в южнокорейской историографии / Н. Г. Носкова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 2 (34). – С. 88–94. – 0,75 п.л.

2. **Носкова Н. Г.** Миф о Тангуне как фактор формирования корейской идентичности / Н. Г. Носкова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 398. – С. 122–126. – DOI: 10.17223/15617793/398/20. – 0,52 п.л.

3. **Носкова Н. Г.** Идеи, основанные на мифе о Тангуне, в контексте проблемы национальной идентичности в Республике Корея / Н. Г. Носкова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, № 10. – С. 150–158. – 0,81 п.л.

Подписано в печать 31.01.2017 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ № 09-01/17
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а